

*На правах рукописи*

**Иванов Кирилл Геннадьевич**

**МОТИВЫ ЛИРИКИ Н.Н. ТУРОВЕРОВА**

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

**АВТОРЕФЕРАТ**

диссертации на соискание ученой степени кандидата  
филологических наук

Москва – 2026

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского»

Научный руководитель: Шаравин Андрей Владимирович, доктор филологический наук, доцент, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций филологического факультета ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского».

Официальные оппоненты: Солнцева Наталья Михайловна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»;

Бубнов Сергей Александрович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы Института филологии ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева».

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина».

Защита диссертации состоится «29» мая 2026 года в 16.00 час. на заседании диссертационного совета 75.2.076.01 при ОЧУ ВО «Московский университет имени А. С. Грибоедова» по адресу: 111396, Москва, Зеленый проспект, д. 66А, ауд. 314.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ОЧУ ВО «Московский университет имени А. С. Грибоедова» по адресу: 111396, Москва, Зеленый проспект, д. 66А и на сайте <https://www.iile.ru/nauka/dissertatsionnyysovet>  
Объявление о защите и автореферат диссертации размещены на сайтах: <https://www.iile.ru/nauka/dissertatsionnyy-sovet> и <https://vak.minobrnauki.gov.ru>.

Автореферат разослан «\_\_\_\_\_» \_\_\_\_\_ 2026 г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета 75.2.076.01  
кандидат филологических наук, доцент

С. С. Царегородцева

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

**Актуальность** исследования определяется изучением творчества представителей русского зарубежья, необходимостью выявления единого казачьего текста творчества М. Шолохова, Н. Туроверова и казачьих писателей, группирующихся вокруг эмигрантских казачьих изданий, и, в частности, вокруг журнала «Родимый край». Кроме того, творчество Н. Туроверова, умершего в 1972 году, является одной из немногих поэтических систем, функционировавших в словесности русского зарубежья, начиная с 20-х годов до последней трети XX века.

**Степень научной разработанности проблемы.** Уже современники поэта обозначили ключевые черты его поэтического метода: сдержанную эмоциональность, органическую связь с традицией русской классики и глубокий трагизм эмигрантского опыта. Через оценки Адамовича, Терапиано и Струве выстраивается общая картина восприятия Туроверова как поэта, сумевшего сохранить достоинство и ясность слова в эпоху исторических катастроф. Его поэзия воспринималась ими как голос не отдельного изгнанника, а целого поколения, потерявшего Родину, но не утратившего веры в духовное родство с ней.

Конец XX века ознаменовался новым этапом изучения творчества Н. Туроверова. Интерес к личности и лирике казака-поэта в России возрождается в конце 1980-х - начале 1990-х годов. Имя Н. Туроверова вновь стало звучать в отечественном литературоведении и критике, но на первом этапе внимание исследователей сосредоточилось главным образом на биографической реконструкции и популяризации забытого писателя.

С 2000-х годов начинается новый этап литературоведческих исследований, где внимание смещается от личности Туроверова к тексту, от его жизни к поэтической системе. Появление в научном обороте диссертации и статей А. Кротовой<sup>1</sup>, публикаций С. Афанасьевой<sup>2</sup>, А. Халяфкаевой, Г. Божковой<sup>3</sup> и др. означало переход от биографического подхода к анализу поэтического мира Туроверова. Литературоведы рассматривают лирику донского поэта как художественную систему с мировоззренческой составляющей, пространственно-временной моделью, традициями. Центральными направлениями исследований становятся: хронотоп и образ родного пространства (концепты *дом*, *путь*, крымский текст, гармоничное триединство образов (степь, Дон и ветер) казачьего мира); традиции устного народного творчества и русской классики, русской эмигрантской поэзии (фольклорная, пушкинская, лермонтовская, блоковская, гумилевская, бунинская и т. д.); взаимодействие лирики Н. Туроверова с казачьим текстом (диалог с Шолоховым, с казачьими поэтами (М. Волкова)); поэтическое воплощение судьбы казачества; православные мотивы и религиозная поэтика Н. Туроверова; мотивы изгнания и дороги, ведущей домой; черты поэтики (соединение донского слова с культурным классическим кодом, музыкальность и метрическая организация, туверовская

<sup>1</sup> Кротова, А.А. Фольклорные традиции в поэзии Н.Н. Туроверова: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2019.

<sup>2</sup> Афанасьева, С.И. Традиционность и динамика концепта «дом» в лирической системе Н. Туроверова // Концепт «дом» в русской лирике первой волны эмиграции: крымский дискурс: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Симферополь, 2014. С. 131-137.

<sup>3</sup> Халяфкаева, А.И., Божкова, Г.Н. Виды хронотопов в поэтическом наследии Н.Н. Туроверова // Филология, искусствоведение и культурология: актуальные вопросы и тенденции развития: материалы международной заочной научно-практической конференции. Новосибирск: СибАК, 2013. С. 133 -138.

целостность мира).

Рассмотренные работы, анализирующие творчество казака-поэта, позволяют сделать вывод, что исследователи только намечают подходы к изучению наследия Н. Туроверова. Научная литература по творчеству Н. Туроверова в конце XX века ограничивалась уровнем жизнеописания и поверхностного анализа стихотворений, и лишь в начале XXI века обозначились пути к выделению и исследованию отдельных аспектов его творчества, интерес к поэтике. Таким образом, произведения Н.Н. Туроверова нуждаются в подробном и тщательном филологическом анализе, изучении с литературоведческих позиций. Необходимо обозначить параметры, воссоздающие координаты целостного художественного мира поэта, выявить основные мотивы его лирики, основные эстетические параметры его произведений, историко-литературный контекст. Только тогда можно говорить о научном адекватном подходе к изучению творчества Н.Н. Туроверова. В имеющихся работах фактически названы лишь отдельные мотивы (родного пространства, дороги, изгнания, религиозного чувства, судьбы казачества и т. п.), однако они не осмыслены как единая мотивная структура, организующая художественный мир поэта; отсутствует их классификация, описание иерархии и взаимосвязей, а также анализ того, как эта система мотивов отражает мировоззренческую и формирует эстетическую специфику туроверовской лирики. Монографическое исследование поэзии Н. Туроверова до настоящего времени не создано, что усиливает эффект «точечной» изученности: научный интерес сосредоточен на отдельных текстах и темах, тогда как комплексное филологическое описание поэтического мира поэта, включая мотивный уровень, ещё не осуществлено. Таким образом, можно сделать вывод о недостаточной научной разработанности именно мотивной структуры лирики Н. Туроверова и о необходимости её системного описания: требуется вычленить и классифицировать основные мотивы, выявить их устойчивые комплексы, проследить динамику и функции мотивов в контексте биографии поэта, традиций русской и эмигрантской литературы.

**Объект исследования:** идентификация мотивов творчества Н. Туроверова в интертекстуальном аспекте произведений классической литературы (Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Шевченко, Л. Толстого, Гумилева), казачьих поэтов и писателей-эмигрантов первой волны.

**Предмет исследования:** инвариантные значения мотивов лирики Н. Туроверова как целостностного и эстетического текста реализации творческой индивидуальности поэта-война-казака, художественного воплощения «союза музыки и меча».

**Материалом исследования** являются прижизненные сборники стихов, отдельные публикации произведений Н. Туроверова, его проза, статьи в газетах и журналах русского зарубежья, а также издания, выходившие в России, начиная с 90-х годов XX века, публицистика современников донского Бояна.

**Цель диссертации:** изучение мотивной организации лирики Н. Туроверова, а также взаимодействие мотивов лирики Н. Туроверова с мотивами русской классической литературы, писателей эмигрантов первой волны и «казачьих» поэтов. Данная цель предполагает следующие **исследовательские задачи**.

1. Выявить тематические пласты художественных произведений Н. Туроверова, обусловившие проявление мотивов.
2. Выделить и проанализировать наиболее частотные и концептуальные мотивы творчества Н. Туроверова как художественной системы его лирики.

3. Обозначить семантические и аксиологические аспекты мотивной системы лирики казака-поэта.
4. Рассмотреть изменение рефлексивных состояний лирического героя в контексте модусов художественности, эстетически закрепляющих мотивы в структуре лирических произведений.
5. Охарактеризовать мотивную структуру поэзии донца-лирика через интертекст, возникающий при взаимодействии литературы метрополии и диаспоры, казачьей и классической, изучить мотивную связь лирики Н. Туроверова с творческими индивидуальностями казачьей литературы, литературы русского зарубежья и русской классической литературы.
6. Идентифицировать мотивные инварианты и варианты в творчестве поэта.
7. Охарактеризовать сквозные мотивы лирики Н. Туроверова и их трансформацию.
8. Определить мотивы, сформировавшие творческую индивидуальность Н. Туроверова как война-поэта.
9. Уточнить значение и особенности функционирования/ взаимодействия историософских, этнонациональных (казачьих), христианских и вечных мотивов в художественном мире «донского Бояна».

**Научная новизна** исследования состоит в том, что впервые рассмотрено, как историософские и литературно-эстетические аспекты художественного мышления проявляющиеся через самосознание казачества и закрепленные в индивидуальном мироощущении автора, реализовались в мотивной структуре лирики Н. Туроверова. Впервые выделяется и обозначается система мотивов как оппозиционное/амбивалентное взаимодействие русских/советских, имперских/казачьих и злободневных/вечных дискурсов. Мотивы творчества Н. Туроверова рассматриваются с позиции функционирования инвариантов/вариантов через интертекстуальность в контексте творчества русских классиков, писателей первой волны зарубежья, казачьих поэтов. Впервые анализируется лирика донского Бояна как целостная мотивная система.

**Методологическую основу работы** составляют работы отечественных литературоведов, исследующие:

– теоретические проблемы поэтики: М.М. Бахтин, А.Н. Веселовский, М.Л. Гаспаров, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, Е.М. Мелетинский, Н.Д. Тамарченко, В.Н. Топоров, В.И. Тюпа, О.М. Фрейденберг, Т.В. Цивьян;

– проблемы изучения мотивов и мотивной структуры произведения: В.Е. Ветловская, Б.М. Гаспаров, В.М. Жирмунский, Г.В. Краснов, Е.К. Ромадоновская, И.В. Силантьев, Б.В. Томашевский, В.Б. Шкловский;

– проблемы поэтики русской литературы XIX века, русской литературы 20-х годов – середины XX века: Л.А. Аннинский, И.Л. Бражников, И.А. Есаулов, В.Н. Захаров, Ю.В. Зобнин, Н.М. Солнцева, В.А. Келдыш, О.М. Кириллина, Л.Г. Кихней, Н.З. Коковина, А.М. Любомудров, И.Г. Минералова, А.П. Люсый, А.Г. Разумовская, А.П. Скафтымов, Л.А. Трубина, Б.М. Эйхенбаум, М.Н. Эпштейн;

– проблемы литературы русского зарубежья: В.В. Агеносов, Н.А. Богомолов, Л.М. Борисова, Т.П. Буслакова, Н.И. Великая, В.Т. Захарова, О.А. Коростелев, О.Н. Михайлов, А.Н. Николюкин, С.М. Пинаев, А.Г. Соколов, А.П. Черников;

– проблемы творчества Н. Туроверова: М.М. Дунаев, Н.В. Королева, А.А. Кротова, Н.Б. Лапаева, В.В. Леонидов, Д.И. Полуляшина, А.М. Ранчин, С.Р. Федякин, В.В. Хатюшин, А.Е. Чернова;

**Методология и конкретная методика** определяются целями и задачами

исследования и основаны на комплексном подходе, объединившем мотивный, сравнительно-исторический, структурно-семантический, типологический методы в сочетании с элементами интертекстуального и мифопоэтического подходов.

**Теоретическая значимость** работы состоит в том, что в ней рассматривается мотивная структура творчества Н. Тuroверова как художественная реализация типа творческой индивидуальности воина-поэта. Исследуется специфика воплощения поэтики «союза меча и музыки» в контексте историософских и эстетических концепций донского Бояна, поэтики Н. Гумилева.

**Положения, выносимые на защиту:**

1. Н.Н. Тuroверов – один из виднейших представителей русского зарубежья первой волны, поэт-казак. Его творческая индивидуальность развивается в русле поэтической традиции поэта-казака-воина, идущей от Н. Гумилева, что нашло отражение в инвариантах и вариантах мотивов казачьего боевого братства и казачьей вольности; мотиве противостояния казачьих земель и Московии; мотивах утраты России и Донщины, последних мгновений на родине; мотиве красных войск как орды, скифов; мотиве родства казачества со скифами как предками; мотиве казачества как воинского оплота христианства; мотиве онейрического возвращения на родину; мотиве памяти о прошлом казачества.
2. Концепция историософских мотивов основана на трактовке поэтом-донцом истории казачества как четырех этапов: «Вольница дикого поля», «имперское войско донское», «последний казачий сполох» и будущий «четвертый Дон» – поход на завоевание новых земель для обустройства казачьей жизни. Каждый из данных мотивов получает свое эстетическое и художественное оформление в творчестве Тuroверова.
3. Христианские мотивы в лирике Тuroверова воплощаются через образы богородицы, младенца Христа, рожденного «на донском душистом сене», сурового казачьего Бога-Саваофа, святых, станичной церкви. Тuroверов художественно создает образ Господа-покровителя казачества, воспринимающего донцов как свое верное воинство, которое защищает христианскую веру. Христианские мотивы получают специфический донской колорит. В поэме «Сирко» реализован мотив казачьего святого воина-атамана.
4. Мотив духовной гармонии жизни казачества в лирике Тuroверова поэтически отражает реалии казачьей жизни, что напрямую связано с историей и философией донцов. Бытовые сцены находят свое воплощение в инвариантах и вариантах мотивов соприродного хода жизни казачества, праздниках; поэтизации предметов домашнего обихода, охоты и рыбалки; сакральных хронотопов и стихий (бескрайней степи, кургана, пути, ветра, Дона); образе коня как соратника и вечного спутника казака. Мотив-инвариант духовной гармонии жизни казачества также реализуется как вариант мотива детскости, чистоты, искренности донцов.
5. Мотив Божественного творчества и «живого», «вещного» слова осуществляется в творчестве Тuroверова через трансформации образов «казачьей» и «переселенческой» музыки, Божественного провидения и творения, высшего предназначения поэта, мотивов чистого листа бумаги и чернил, описания творческого процесса. Любовные мотивы в лирике Тuroверова, в частности, пересекаются с мотивами живого поэтического слова, номадическими мотивами, мотивом бескрайних кочевий, мотивом героики. Трансформация любовного чувства раскрывается от классического мотива идеальной любви до менее

частотной любовной темы в ее номадической вариации.

6. Мотив «европейского ласкового плена» в творчестве Туроверова реализуется в художественных исканиях как система смыслов, воплощающая онтологические и эстетические проблемы жизни донцов в отрыве от родины.
7. Эволюция мотивной системы лирики Н.Н. Туроверова формируется через воздействие/взаимодействие различных поэтических традиций в зависимости от того, какая из них определяла развитие творческой индивидуальности поэта в тот или иной период. Мотивное развитие лирики поэта разворачивается от донских мотивов к христианским и вечным, через мотивы памяти и прощания с ушедшей казачьей жизнью и мотивами обретения новых смыслов жизни в христианском светлом и радостном чувстве, творчестве и любви.

**Достоверность полученных научных результатов** достигается за счет применения адекватных методов исследования, соответствующих целям и задачам диссертации. Для анализа привлечен максимальный объем лирики и прозы, статей и писем Н. Туроверова, первых редакций его произведений в эмигрантской (казачьей) прессе, воспоминаний современников и статей литературоведов о его творчестве (как прижизненных, так и появившихся в период с 90-х годов XX века по 20-ые годы XXI века).

**Практическая значимость диссертации** состоит в том, что ее положения могут быть реализованы в учебном процессе, в преподавании курса истории русской литературы начала – середины XX века, раздела о русском зарубежье первой волны, в разработке спецкурсов и спецсеминаров по проблемам эмигрантской литературы, в частности по проблеме мотивной структуры творчества Н. Туроверова. На основе материалов диссертации могут быть разработаны учебные пособия, посвященные как изучению лирики казака-поэта, так и сопоставлению творческих индивидуальностей М. Шолохова/Н. Туроверова, казачьего текста русской литературы, традиций Пушкина, Лермонтова, Гумилева в произведениях донца-эмигранта, мотива верности Родине, образу поэтов содружества меча и лиры (Давыдов, Гумилев, Несмелов, Туроверов).

**Личный вклад автора** состоит в идентификации целостной инвариантной системы мотивов лирики 20-х-60-х годов XX века Н. Туроверова, в разработке концепции эволюции и трансформации мотивов, в уточнении, расширении и установлении интертекстуальных переключек творчества донца-поэта с произведениями русских писателей-классиков, казачьих писателей и представителей русского зарубежья, в выработке комплексного подхода к исследованию, определению целей и задач научного труда, в анализе художественных текстов с приоритетом мотивного метода, апробации результатов работы в форме докладов на научных конференциях и публикации научных статей

**Апробация работы.** Основные положения и выводы диссертации нашли отражение в 17 публикациях, 5 из которых напечатаны в изданиях, входящих в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ. Общий объем публикаций – 8,15 п. л. Материалы диссертационного исследования были представлены в докладах на 9 научных конференциях: VI Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современной гуманитарной науки» (Брянск, 2019), XXVI Международная научно-практическая конференция «Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды и научные исследования» (Москва, 2019), XXVII Международная научно-практическая

конференция «Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды и научные исследования» (Москва, 2019), IX Международная научная конференция «Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (Донецк, 2024), Национальная научно-практическая конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Е.П. Гарбузовой «Русский язык: история и современность» (Брянск, 2024), II Национальная научная конференция «Литература – фольклор – мифопоэтика» (Орел, 2024), Международная научная конференция «Третьи Расторгуевские чтения» (Брянск, 2025), XIV Национальная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современной гуманитарной науки» (Брянск, 2025), X Международная научная конференция «Донецкие чтения 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (Донецк, 2025).

**Соответствие паспорту научной специальности.** Диссертация соответствует паспорту научной специальности 5.9.1. «Русская литература и литературы народов Российской Федерации», в частности следующим пунктам: п. 4. История русской литературы XX века (1890 – 1920-е годы), п. 7. История литературы русского зарубежья, п. 10. Биография и творческий путь писателя, п. 11. Творческая лаборатория писателя, индивидуально-психологические особенности личности и ее преломлений в художественном творчестве.

**Структура диссертации:** работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы (356 наименований). Содержание диссертации изложено на 248 страницах.

## ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, выявляется степень ее научной разработанности, определяются объект, предмет, цель и задачи работы, теоретико-методологическая база, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются положения, выносимые на защиту.

Для поэта-донца история России представлялась в виде взаимодействующих потоков: казачья история и история «Московии», история большой родины и история отчего края как промысел Божий. Задает векторность и целесообразность исторического процесса для Н. Тuroверова, безусловно, история Донского войска. При этом история остальной России для него наполнялась позитивным смыслом лишь тогда, когда ее цели и задачи совпадали с видением исторического пути казачества и / или реализовались в имперских устремлениях государственности.

Данные положения конкретизируются через творчество донского поэта в **первой главе – «Историософские мотивы лирики Н.Н. Туроверова».**

В **первом параграфе – «Лирическое моделирование историософской концепции Туроверовым»** – поднимается проблема историософского дискурса как способа осмысления художественных текстов. Выявляется метафизическая цель (духовное задание), по Туроверову, определяющая знаковую систему смысла жизни для донцов. Для поэта казачество – квинтэссенция христианского, верующего народа, надежного защитника и хранителя рубежей Родины. Н. Туроверов считает архетипическими чертами казака храбрость, православие, смекалку, жизненную хватку и своеобразие родного народного языка. Эту же мысль он поэтически выразил в стихотворении «О сроках ведает один Всевышний Бог!» (между 1944 - 1947): «У

нас ведь есть глагол: «казаковать» / Что значит: никогда не измениться». В истории казачества Н. Туроверов выделяет три основных этапа или, в его терминологии, «три Дона», а также высказывает идею о возможности «рождения» «четвертого Дона».

Первый этап (1671-1721) описан Н. Туроверовым в стихотворениях «Минут грозных стен Азова» (1922), «Серьги» (1926), [«Майдан»] (1922), «Сечь» (1941), «Что мы братцы по-пустому спорим...» (1944), «Сирко» (1945), «Бунт» (1954), «Азов» (1940), «Мы плохо предков своих знали» (1929), «На солнце в мартовских садах...» (1938), «Серьга» («Был мальчиком. И тетка старуха») (1983) и др. В этих произведениях казачество именуется «зипунными бойцами», упоминаются походы за добычей к иноверцам, разбой, бунт против Московии, казачья вольница, атаманство как казачий феномен, неповторимый казачий быт.

Второй этап (1722 - по Октябрьскую революцию) нашел художественное воплощение в стихотворениях «Гурда», «Элегия» (1954), «Суворов» (1935), «1914 год» (1939), «Треббия» (1947), статьях «Дочь Платова» (1938), «Платов и его английские изображения» (1936), «Казачий сказ о Суворове» (1948), «Платов в Лондоне» (1952), «Молодость Бакланова» (1939) и др. В этих произведениях казаки получают новое именование – Имперское Войско Донское, «те, кто славу казака сплетал со славою имперской», «степей наездники лихие», «поколение, склонившееся «к ботфортам грозного Петра». Автор описывает удаль казачества, верность России, христианству и воинскую сноровку.

Третий этап (1918-1920) Н. Туроверов обозначил как «короткий сполох». Этот этап казачьей истории нашел свое отражение в наибольшем количестве стихотворений, в котором описывались события и битвы Войска Донского за свою землю. События 1918-1920 годов воспроизведены в стихотворениях «Не выдаст моя кобылица» (1931), «В эту ночь мы ушли от погони...» (1931), «Новочеркасск» (1922), «Однолеток» (между 1947–1961), «В огне все было и в дыму» (1937), «Крым» (1920), «Атаман Дутов» (1951), «Было их с урядником тринадцать...» (1947), «Мороз крепчал. Стоял такой мороз...» (1950), «Перекоп» (1925), в воспоминании «Конец Чернецова» (1924) и других. Поэт-донец воссоздает эмоции от утраты Родины, «тоску безысходного гона», надежду казачества на милосердие Божие.

Идея «Четвертого Дона» художественно воплотилась в немногочисленных произведениях. Наверное, самое яркое из них – стихотворение «Поход» (1939). «Четвертый Дон» именуется Туроверовым «последний казачий исход». Поэт создает новую донскую утопию о возвращении к традициям «Первого Дона», основанную на вере в казачье предназначение, в Божью благодать, в идеальное сочетание воинского и трудового начала. При воплощении «трех Донов» и четвертого периода – поисков утопической Казакии – Н. Туроверов реализовал систему мотивов, построенную как инвариант – варианты – микромотивы. Историсофские инварианты его лирики – мотивы казачьей вольницы, руководимой высшими Божественными представлениями о правде и справедливости, и казачьей прапамяти (мотив, идущий от Гумилева), имплицитно «выковывающей» истинное казачество, православное боевое товарищество.

**Во втором параграфе – «Историсофский мотив «первого и второго Дона» в творчестве Туроверова: инвариант и варианты» – раскрыто историсофское осмысление пути казачества в творчестве Н. Туроверова и проанализированы два ключевых этапа его развития – «первый Дон» (вольница Дикого Поля) и «второй Дон» (Имперское Войско Донское).**

В первом этапе Туроверов осознавал эпоху казачьей вольницы, живущей в

памяти потомков. Через анализ стихотворений («Что мы, братцы, – по-пустому спорим», «Мы уходили налегке», «Минуя грозных стен Азова», «Азов», «Сечь», «Сирко», «Майдан») показано, как поэт соединяет историю и миф, изображая казачество как носителя православных и воинских традиций. В центре внимания мотивы походов, крови, братства и жертвенности, в которых лирический герой носитель «прапамяти» донцов. В стихах Туроверова воспевается идеал вольного и героического служения, где кровь и меч неотделимы от веры. Символом сакральной связи поколений казаков становится Дон-батюшка, олицетворяющий родину и духовный исток народа. Особое место занимает «Азовский цикл» казачьих поэтов, где образы воинов и женщин-защитниц сливаются с христианской символикой; казачество представлено как «воины Христовы».

Второй этап («Имперское войско Донское») в лирике Н. Туроверова отражает переход от вольной республики к служению государству. Здесь поэт создаёт героико-патриотическую концепцию: казачий Дон становится оплотом Российской империи. Туроверов идеализирует атаманов-генералов (Платова, Бакланова) и полководца Суворова как синтез казачьей удали и имперской верности. В поэтических циклах («Гурда», «Элегия», «Майдан») им подчеркивается, что истинное величие казачества в соединении меча и веры, служении России и Богу.

В конце параграфа подводится туроверовский историософский итог: казачество прошло путь от «зипунных бойцов» к защитникам Святой Руси; «вольница Дикого Поля» выковала казака, а имперский период возвел его в ранг национального воина-защитника. Туроверов утверждает идею духовного бессмертия Донского войска, для которого вера, честь и родина – вечные ценности.

**В третьем параграфе – «Историософский мотив «третьего Дона» и поисков новой Казакии в творчестве Туроверова: инвариант и варианты»** – рассматривается историософский мотив «третьего Дона» и поиска новой Казакии в творчестве Н. Туроверова. Для поэта-донца гражданская война – апокалиптический рубеж, где рушится старая Россия и рождается идея духовного возрождения казачества.

Туроверов воссоздает амбивалентный образ гибели и воскресения Дона. В стихотворениях «1917», «Февраль», «Мороз крепчал...», «Было их с урядником тринадцать» гражданская война осмысливается как крестный путь донцов, искупающих грехи отцов. Лирический герой проходит путь через «кровь и смерть ордынского пожара», уподобляясь пилигриму, хранимому Божественной волей; мотив холода и зимы символизирует смерть и очищение, осмысливаясь автором как будущее воскресение России.

Н. Туроверов воплощает образы гражданской войны и пушкинской России через поэтику холода: метель, снег и февраль становятся метафорами судьбы, а мороз – Божественной силы, очищающей души. Война и изгнание осмысливаются как духовное испытание, дарующее новое понимание веры и братства. Так, в стихотворении «Товарищ» братоубийственная война преодолевается любовью к «незнакомому брату»-врагу, что воплощает идею христианского примирения.

Особое место занимает мотив противостояния Дона и Москвы. Москву в стихах поэта сопровождают меты: «московское иго», «палаческая сила» уничтожающая вольность казаков, противопоставленная духовной свободе степей. В стихотворениях «Москва» и «Знамя» утверждается идея сакральной миссии казачества как хранителя православной Руси и защитника дома Богородицы.

В лирических произведениях («Серьги», «Серьга», «Майдан») Туроверов объединяет три исторических пласта – древнюю Русь, казачью вольницу и эмиграцию. Через образ-символ «тмутараканской серьги» актуализируется идея преемственности казачьей традиции, непрерывной духовной связи поколений. Инвариант, варианты и микромотивы реализованы в образах природы, обобщенных образах казаков, исторических лиц, символах, антитезах, подтексте, казачьей мифологии и эмблематике, реминисценциях, традициях писателей-классиков, православной авторской поэтике, сюжетных перипетиях, конфликтах, системе художественных средств, казачьей лексики; в этот ряд органично входит и скифский мотив, восходящий к мифологизированному «психотипу скифа», связанному с представлениями о воле, стихийной силе, дерзости, мужестве и противостоянии личной энергии состоянию культурной и общественной энтропии (по концепции Н. М. Солнцевой).<sup>4</sup>

В конце параграфа подчеркивается, что для Туроверова история казачества не просто прошлое, а вечный духовный цикл: от вольной силы Дикого Поля к страданиям гражданской войны и далее – к надежде на воскресение новой Казакии как обновленной, очищенной России.

**В четвертом параграфе – «Концептосфера пути, дороги, шляха в мотивном воплощении»** – анализируются концептосферы пути, дороги и шляха в творчестве Н. Туроверова. Концепты *путь, шлях, дорога* воплощаются в образах, мотивах, символах. В параграфе выявлено их значение, уточнен смысловой аспект в системе образности лирики, рассмотрено взаимодействие мотива пути (дороги, шляха) и мотива возвращения на родину. Концепты *путь, шлях, дорога* рассмотрены через реализацию этих единиц языка и «сгустков культуры в сознании человека» в текстах донского Бояна, его мотивной реализации как части общей семантической структуры. Концепты *путь, шлях, дорога* художественно хранятся, «законсервированы» в центральных символах историософской модели «четырёх Донов» Н. Туроверова. Они отражают исторический путь казачества и духовный путь лирического героя, объединяя прошлое, настоящее и будущее как целостный опыт понимания.

Исследователи (в частности, А. Кротова) отмечают, что мотив пути у Туроверова имеет двойную семантику: физического движения и философского осмысления судьбы. В лирике Н. Туроверова мотив пути конкретизируется в мотивах странничества, изгнания и христианского смирения, фокусируясь в образе лирического героя поэта-пилигрима, принимающего волю Божью.

В сборнике «Путь» (1928) поэт выстраивает художественную географию судьбы изгнанника, покинувшего Россию: Дон – Крым – Сербия – Париж. Каждый хронотоп раскрывает разные грани пути: уход с родины, тоску изгнанника, надежду на возвращение и поиск небесной дороги. В «парижском тексте» Н. Туроверова земной путь трансформируется в «небесную тропу», ведущую к духовному возрождению.

В лирике 40-х годов мотив-инвариант *пути, дороги, шляха* развивается через мотивы-варианты: шлях воина-казака, путь веры, дорога изгнанника и путь к Богу. В стихотворениях 1930-1970-х годов поэт соединяет земное и небесное измерения пути, утверждая идею Млечного Пути как вечной космической дороги казачества и России.

Мотив *шляха* (древней степной дороги) обозначает историческую миссию

<sup>4</sup> Солнцева, Н. М. Скифский взгляд на русскую революцию: аспекты аксиологии / Н. М. Солнцева, Е. Г. Солнцева // Научный диалог. 2021. № 5. С. 272-286.

донцов – защитников рубежей империи. В стихах «Когда-то мимо этих плес», «Шлях», «Казачка» мотив художественно укрупняется до символа воинской судьбы и памяти предков, а «гетманский шлях» уподобляется Млечному Пути – дороге душ погибших казаков.

Концепт дороги связан с мотивами изгнания, страдания и поиска правды, моделируя и актуализируя религиозный смысл: «райская» или «звёздная дорога» символизирует путь, предопределенный Богом. Сравнительный анализ поэзии Н. Туроверова с лирикой П. Полякова, Н. Келина и М. Волковой показывает, что у донского Бояна *путь, дорога и шлях* образуют уникальную систему казачьего миропонимания, где земное странствие сливается с небесным, а духовное предназначение народа с осознанием христианского смирения.

Обращение Н. Туроверова к вечным мотивам и обретение собственного поэтического голоса в непреходящей тематике мировой литературы прослеживается во **второй главе – «Вечные мотивы в творчестве Н.Н. Туроверова».**

**В первом параграфе – «Христианские мотивы лирики Туроверова»** – раскрывается религиозное мироощущение поэта, глубоко укоренённое в казачьей традиции и общерусском духовном контексте. Исследователи подчёркивали, что творчество Туроверова не ограничивается казачьим миропредставлением, сочетая этнонациональное с универсальными христианскими ценностями. Его поэзия пронизана неоклассическими чертами – ясностью, образностью и внутренней гармонией, а также православным мировоззрением, связывающим казачью вольницу с божественной миссией русского народа.

Стихотворения Туроверова наполнены символикой христианства. Мотивы Рождества, Богородицы, Христа и святых организуют сюжеты лирических произведений казака-поэта. Так, в стихотворении «Выходи со мной на воздух» (1930) создаётся новая библейская история – рождение Спасителя на донской земле, где сияет Вифлеемская звезда, а Богородица приходит к казакам, неся им свет и доброту. Этот сюжет подчёркивает идею сакрализации родного для Туроверова Донского края. В стихотворении «Сочельник» (1926) рождественский хронотоп эмоционально наполнен ощущением вечного присутствия Христа, даже в обездоленной, большевиками захваченной России. Казак-поэт сопоставляет духовную чистоту Руси с небесным светом и утверждает неугасимость православного духа. Особое значение имеет цветовая символика: голубой и белый колориты воплощают Божественность и непорочность, а зелёный – символику наваждения и лжи, связанную с Москвией. Через это противопоставление Туроверов утверждает нравственную чистоту донской земли, где рождается новая духовная истина. Тема Рождества получает развитие в стихотворении «Все те же убогие хаты» (1930), в нем реализуется авторская антитеза холода изгнания и внутреннего тепла веры. Мотив детских душ, «ночующих у Бога в раю», олицетворяет надежду лирического героя на бессмертие России и её православного духа. Для Туроверова смерть и жизнь взаимосвязаны, воскресение становится Божественным искуплением страдания. Поздняя лирика поэта (1940–1960-е гг.) пронизана пасхальной символикой: смерть воспринимается как встреча с Богом и возрождение души, а мотив «радостных похорон» превращают трагедию в праздник вечной жизни. Для Туроверова окружающий мир – это пространство Божественной гармонии. В стихотворении «Март» (1925) описываются мелочи казачьего быта – лампы, запах блинов, сухой ковыль – всё это земное отражение небесного порядка. Лирический герой живёт в ощущении сопричастности Богу, а его молитвенность и труд воспринимаются как форма святости. Подобное созерцательное восприятие

противопоставляется городской суете, лишённой духовности («Грозу мы замечаем еле...»). В стихотворениях «Майдан» (1922) и «Сирко» (1945) религиозные мотивы переплетаются с историей казачества. Святители Никола и Егорий предстательствуют, заступаются за казаков перед Богом, а Сам Всевышний признаёт их «Своей вольницей». Образ атамана Сирко актуализирован Н. Туровековым как образ казачьего святого, наделенного Божественным покровительством – даже его отрубленная рука становится боевым штандартом, ведёт казаков в бой, символизируя земное и небесное воинство. Образ Богородицы реже упоминается в стихотворениях донца-поэта, чем образы других святых, однако воплощение её образ в лирике Туровекова всегда связано с идеей милосердия и заступничества. В стихотворении «Выходи со мной на воздух» Богородица предстает как земное воплощение добра; в лирическом произведении «Знамя» (1949) Её лик на стягах олицетворяет прощение в годы братоубийственной войны. Для Туровекова этот образ связан с казачьими подвигами во время Азовского сидения 1641 года, когда Богородица, явив чудо, защитила донцов. В поздних стихотворениях, таких как «Станичная церковь» (1961), Бог предстает в двух ипостасях: суровый Ветхозаветный Саваоф и милостивый Святой Дух. Казачеству ближе грозный, воинственный Бог – защитник веры и Бог праведного гнева. Однако в стихотворении «На простом, без украшений, троне...» (1945) Всевышний прост и человечен, «по-отечески милостив и строг».

Символика пути занимает центральное место в туровековской христианской концепции. В стихотворении «В скитаньях весел будь и волен» лирический герой слышит призыв Бога идти вперёд, преодолевая испытания, а земная дорога осмысливается как духовное восхождение по лестнице Иакова к Млечному, небесному. Этот мотив сближает казака со странником и пилигримом, для которых скитание – форма верности Богу.

Таким образом, христианские мотивы у Н. Туровекова – основа поэтического миропонимания. Его лирика представляет собой сплав православной веры, казачьего духа и философии пути. Бог для Туровекова – непосредственный участник человеческой истории, а вера – источник силы, мужества и любви. В его стихах доминирует убеждение, что донская земля освящена присутствием Бога, а исход и пребывание на чужбине казачества – части единого Божественного замысла.

**Во втором параграфе – «Любовные мотивы лирики Туровекова»** – раскрываются особенности изображения чувства в поэзии донского Бояна через призму казачьего мироощущения, соединяющего страсть, доблесть и духовность. Любовная тема занимает значительное место в творчестве поэта и проявляется в разных формах – от яркой плотской страсти до возвышенной, духовной любви, осмысленной как Божий дар.

Ранние стихотворения («Утпола – по-калмыцки “звезда”», «Вечер был мутнее дыма...») реализуют мотив мимолётной, кочевой любви, в которой восточный и степной колорит подчеркивают свободу и естественность чувств. Эти произведения соединяют тему страсти с образом странника и воина, для которого любовь – часть его судьбы и испытаний. Постепенно в творчестве поэта возникает конфликт между любовью к женщине и любовью к родине («Что из этой жизни унесу я...»), где выбор героя всегда склоняется в пользу долга и казачьей чести.

С конца 1930-х годов любовное чувство у Туровекова изображается как духовное проявление. В стихотворениях «Сердце сердцу весть подает», «За твое тревожное молчанье...», «Поскупей на слова, посуровой...» любовь становится внутренним откровением, проявлением голоса сердца и символом единения душ. Она

воспринимается как святыня, «сокровенное счастье», несущее очищение и благодать. Мотив сердца в поэзии Туроверова становится ключевым образом, выражающим жизнь, веру и память о любви. Любимая в лирике поэта всегда предстаёт как избранница, данная свыше. В стихотворении «Она похожа на тебя» (1956) через символику кубка воплощается идея единственной истинной любви, которую нельзя заменить. Любовь здесь воспринимается как божественное предопределение, соединяющее судьбы.

В лирике 1940–1960-х годов любовные мотивы воплощены как воспоминание о любви («Под утро на вечере этом», «Не стихи, а что стоит за ними»). Прошлое для героя становится живым источником вдохновения, а само чувство – вечным, не подверженным времени и смерти. В стихотворении «Закат» (1965), с эпиграфом из Тютчева, любовь осмысливается как последний свет души, соединяющий жизнь и смерть.

Кульминацией размышлений о любви становится триптих «Добыча» (1941), в котором прослеживается путь от первобытного влечения и страсти к осознанию любви как «Божьего дара». Таким образом, любовные мотивы в лирике Н. Туроверова развиваются от плотской любви к духовной, от земной страсти к благодати, отражая традицию русской любовной лирики. Любовь у поэта не только чувство, но и испытание, очищающее душу и возвышающее человека до высших идеалов верности, памяти и веры.

**В третьем параграфе – «Мотив Божественного творчества и «живого», «вещего» слова»** – анализируется осмысление Н. Туроверовым поэтической миссии как дара свыше и служения Богу. Донской Боян видит поэта не просто творцом, а «подмастерьем Господа», призванным в воссозданных строках передавать в мир дыхание Божественного. Его творчество тесно связано с православной традицией, в которой поэзия – это форма молитвы, а слово – священное проявление духа. Ранние стихотворения Туроверова («Звенит над корками арбуза», 1929) изображают Музу в земном, женском облике как спутницу, наделённую чертами казачки. Позднее её образ воплощается через символизацию. В стихотворениях «Подмастерья» и «К Музе» (1939–1941) Муза обретает сакральные черты: поэт признаёт себя учеником «Господа-Мастера», а Муза становится воплощением вдохновения, соединяющего человека с Творцом.

В стихотворении «Пилигрим» (1940–1941) лирический герой, подобно ветхозаветному Иову, проходит через страдания, чтобы обрести духовное просветление и благословение писать: «Мне сам Господь налил чернила / И приказал стихи писать». Этот мотив Божественного вдохновения становится ключевым для Туроверова. Поэт утверждал, что поэзия должна исходить от Бога, а не от человеческого тщеславия.

В лирике донского Бояна живое слово противопоставляется мёртвому, бездушному. Настоящие стихи, по Туроверову, наполнены «Господним голосом из рая», тогда как поэзия, лишённая веры, превращается в пустую игру с формой. В стихотворении «За легкомысленный язык» герой молит Бога не лишать его дара слова, а в лирическом произведении «На простом, без украшений троне» (1945) поэтический труд оценивается на последнем суде, где «лучший стих» становится оправданием перед Богом.

В 1950-е годы Муза всё чаще соединяется с образом возлюбленной («Сны», «Гроза», «Опьянеть от солнечного света»), а акт творчества приравнивается к встрече с ней. Однако позднее Муза становится молчаливой и недостижимой –

символ утраченного вдохновения и приближения смерти («Муза», 1953). В стихотворении «Переправа» (1950) Муза предстает как ангел-хранитель, сопровождающий лирического героя через века казачьей истории и дарующий ему «вещее слово». Она соединяет творчество с Божественным началом и народной памятью, превращая поэта в пророка своего народа. «Милая» Муза со свирелью из раннего творчества поэта-казака несколько раз меняет обличье: «глухонемая» и «молчащая» Муза, предрекающая прощание лирического героя с жизнью; замещение Музы «злющей» «Ягой», «переселенческой бабой»; легионерская Муза в «соломенной шляпе».

Таким образом, мотив Божественного творчества у Н. Туроверова выражает слияние поэзии, веры и судьбы. Его Муза – вдохновительница и проводник от земного к небесному, а поэтическое слово – священный дар, способный оживить душу и примирить человека с Богом.

**В четвертом параграфе – «Мотив духовной гармонии жизни казачества в поэзии Туроверова»** – анализируется специфика изображения поэтом обыденной жизни донцов. Для него повседневность станичного быта – источник духовного смысла. Туроверов изображает бытовые сцены казачьей жизни как форму проявления гармонии человека, природы и веры. Поэт убежден, что без обыденных деталей невозможно передать подлинный дух казачества. Его стихотворения наполнены запахами степи, звуками, вкусами – они создают живую картину мира, где все целесообразно, и каждое явление надделено сакральным смыслом. В стихах «Пустынно стало за гумном» и «Закат окрасил облака...» простые сцены – работа в огороде, рыбалка, вечерний отдых – превращаются в медитативное созерцание, в котором человек сливается с природой. Даже лень и покой у Туроверова – это не праздность, а проявление внутренней гармонии и спокойствия. Мотив рыбной ловли у поэта – способ единения с миром. В «Кукане» (1954) бытовая сцена обретает философский подтекст: ловля рыбы становится метафорой жизненных испытаний и судьбы воина, прошедшего плен. Тема охоты («Сижу с утра я на коне...», «Пушу собак. И как дитя заплачет») соединяет воинскую удаль с размышлением о времени и памяти. Герой Туроверова ощущает себя частью вечного цикла природы и истории предков, где охота – священный обряд, требующий строгого соблюдения ритуала и уважения к степному миру. Важнейшее место занимает описание родного пейзажа – степи, ветра и Дона, составляющих сакральное триединство казачьей реальности. В стихотворении «Степь» (1946) этот хронотоп предстает гармоничным и освященным Божьим присутствием: степь сияет под солнцем, Дон полон жизни, а ветер символизирует свободу и вечное движение. Когда гармония нарушается (например, в годы Гражданской войны), в изображении пейзажа преобладают темные краски, однако герой воспринимает трагедию как испытание, посланное Богом. Во многих стихотворениях Туроверов воссоздает женский характер – от трудолюбивой хозяйки до одинокой казачки-жалмерки («Уехал, уехал, уехал»). Через женские образы раскрываются нравственные устои донского мира – верность, терпение, внутреннее достоинство. В стихотворении «Мы плохо предков своих знали» прабабка становится символом величия и красоты рода, соединяя в себе повседневное и царственное. Частотны в лирике Н. Туроверова лирические произведения, в которых изображается конь – постоянный спутник казака, его символ верности и чести. Образ коня воплощается Туроверовым в двух модальностях: шуточной, юмористической и трагической. В юмористической конь становится участником бытовых сцен, где человек и животное меняются ролями: конь «укоряет» хозяина в безалаберном

поведении, создавая комический эффект от преподавания урока бытовой мудрости животного человеку. В трагической модальности реализован туроверовский мотив убийства коня, плывущего за кораблем изгнанников. Позднее, с 1958 по 1972 годы, П. Поляков также воспроизвел ситуацию убийства казаком своего коня, поплывшего за кораблем, увозившим хозяина. Жанр стихотворений «Крым» и «Осень» Туроверова и Полякова может быть определен как реквием, посвященный памяти погибших четвероногих друзей. Для казаков кони всегда входили в боевое донское братство, наряду с людьми. Их гибель определили особое мироощущение степных защитников, заставив острее почувствовать разрушение страны, уничтожение станичного уклада и казачества.

Мир Туроверова – это единство труда, сражений, веры и природы, где каждое действие, запах, звук наполнены смыслом. Казачий быт в его поэзии становится образом вечной духовной гармонии. Через простые детали – чабрец, степной ветер, голубую даль – поэт раскрывает величие казачьего духа, превращая повседневное в сакральное.

**Глава третья – «Мотив "европейского ласкового плена"»** – раскрывает трагическую модальность лирики 40-60-х годов, которая определяется интуитивным озарением лирического героя: его путь – это движение без цели, странствие без возвращения на родину и уравнивается религиозным подтекстом: чужбина понимается как крестный путь, как испытание, через которое человек идёт к Богу.

**В первом параграфе – «Мотив самоидентификации лирического героя в западной цивилизации»** – рассматриваются мотив самосознания лирического героя через отрицание западной цивилизации, сохранение верности родной земле в памяти и поэтическом слове. Туроверов противопоставлял себя эмигрантам первой волны, считая добровольный уход из России изменой стране, а не миссией распространения русской культуры. Для него понятие «эмиграции» имеет отрицательную коннотацию, в то время как истинное предназначение казака – быть верным Донской земле, даже находясь вдали от неё. Лирический герой Туроверова представлен как скиталец и пилигрим, вынужденный искать не новый дом, а путь духовного возвращения на родину. В стихах 1920–1940-х годов мотив странствия реализуется как очищение через страдания. В дистихе «Пилигрим» (1940–1941) лирический герой осознаёт своё предназначение: его поэзия становится служением Богу и Родине. Поэт переосмысливает традиционные для эмигрантской литературы образы «изгнанника» и «беглеца». В отличие от Г. Адамовича и других представителей первой волны эмиграции Туроверов осознает своего лирического героя в ипостаси воина-посланника, для которого изгнание – не конец, а испытание веры и воли. Он сохраняет и несет в душе связь с донским краем через слово и молитву. Самоидентификация лирического героя Н. Туроверова происходила через именование «казак». Это не просто этноним, а концепт, основанный на семантике, обозначающей черты казачьего менталитета: веру, честь, архетип война и приверженность традициям. Туроверов вкладывал в глагол «казаковать» особый смысл: «никогда не измениться». Казак в его поэзии – человек, сохранивший достоинство и верность даже в изгнании, противопоставленный обывателю Запада. Для Туроверова поэт и донец тождественны: служат Божественному началу, несут в себе «вещное слово». Через песню, молитву и память лирический герой преодолевает культурное отчуждение и утверждает духовное единство с Россией. Мотив самоидентификации у Туроверова выражен через противостояние западному миру и сохранение духовной независимости. Его герой – «пилигрим Божий», поэт и донской воин, живущий с

родовой верой и казачьей честью в изгнании, превращающий личную трагедию в подвиг служения русскому слову и России.

**В втором параграфе – «Мотив «ласкового плена» чужбины»** – рассматриваются мотив самосознания лирического героя через отрицание западной цивилизации, сохранение верности родной земле в памяти и поэтическом слове. Лирический герой поэзии Н. Тuroверова переживает трагическую двойственность восприятия Запада, прежде всего Франции, как пространства окружающего комфорта и внутренней несвободы. Донской Боян называет Европу «ласковым пленом» – образ, объединяющий чувство благодарности за приют и ощущение духовной неволи. В поэме «Легион» и стихотворениях «Однолеток», «Париж», «Жизнь не начинается сначала» лирический герой ощущает себя пленником западной цивилизации с ее материальным комфортом и безгероическим существованием.

Париж в поэтическом мире Тuroверова постепенно утрачивает блеск технического прогресса и превращается в «железное чрево» – город-тюрьму, где свобода оказывается мнимостью, а творчество уничтожается обыденностью урбанистической среды. Франция – «весёлая мачеха», чужая, но принятая лирическим героем. Даже спустя полвека он воспринимает Галлию как красивую клетку, где хорошо телу, но тоскует душа. Символом этого амбивалентного мироощущения становится кладбище Сент-Женевьев-де-Буа – место посмертного соединения русской души и французской земли. В ранней лирике Тuroверова Франция ассоциируется с образами искусства и истории. К 1930-м годам мотив «веселой мачехи» корреспондирует с мотивами заката, угасания и осени. Русская духовность и православная тоска не находят отклика во французском рациональном мире. Лирический герой Тuroверова тяготится европейским спокойствием и комфортом, ощущая, что цивилизация извращает живую энергию казачества: «Как же можно ездить на машине, / С детских лет скакал я на коне». В сравнении с лирикой П. Полякова и М. Волковой мотив чужбины у донского Бояна получает разные эмоциональные оттенки. У Полякова Европа холодная, духовно чуждая, превращающая изгнанника в «вечного странника». У Волковой женская тоска по дому, где чужбина ощущается как тюрьма, а родная степь – утраченный рай. Тuroверов объединяет эти линии, создавая образ казака-поэта, удивленного внешней красотой Европы, но остающегося верным Дону. Таким образом, для Тuroверова Франция – страна, где можно существовать, но невозможно «ожить» духовно. Его лирический герой навсегда остаётся пленником чужбины, несущим в себе память о России и Донщине, а также стремление к «небесной родине», где единственно возможная свобода этого мира – в православной вере и Божественном поэтическом слове.

**В третьем параграфе – «Мотив возможного возвращения на родину»** – анализируется мотив возвращения на родину в поэзии Николая Тuroверова, обусловленный ностальгией по Дону и ставший смысловой доминантой мироощущения поэта-казака. Тuroверов воспринимает утрату России как личную и национальную катастрофу. В его стихах разных десятилетий прослеживается путь от романтической веры в возвращение к осознанию невозможности возвращения.

В лирических произведениях 1920-х годов («В горах», «Отплытие», «Крым», «Париж») доминируют мотивы прощания с Россией, дороги, странствия и «листка, оторванного от родной ветки». Лирический герой проходит путь духовного паломничества, ощущая себя изгнанником, утратившим связь с отеческими корнями. В «Отплытии» он символически пересекает незримую черту между Россией и

чужбиной – голубая вода Черного моря ассоциируется с водами забвения. Париж у Туроверова – холодная реальность урбанистической чужбины, противопоставленная светлой памяти о природной Донщине.

В 1930–40-е годы акцент смещается на осмысление утраченной Родины и ее героического прошлого. В стихотворениях этого периода реализуются трагические мотивы беспомощности, старения, бессилия. В цикле «Родина» (1941) поэтом-казачком синтезирована идея возможного возвращения с чувством вины изгнанника перед страной. Герой осознаёт невозможность вернуться, но верит в посмертное соединение с родной землёй: крест, степь, чабрец становятся сакральными символами для лирического героя.

Великая Отечественная война усиливает амбивалентность восприятия родного края: Россия – и утраченный рай, и страдающая мать. Туроверов стремится оправдать своё поколение, сохранившее любовь к Отчизне при изгнании. Поздняя лирика 1950–60-х годов окрашена элегическими чувствами: возвращение возможно лишь в снах, памяти или воображении. Мотив дороги переходит в мотив вечного пути к иному миру, а родина обретает черты духовного пространства, христианского «Элизиума».

Таким образом, путь лирического героя Туроверова – это путь от реального изгнания к метафизическому возвращению, от потери Родины к обретению её духовной ипостаси. Россия у поэта не географическое место, а сакральный образ, воплощающий память и веру бессмертной казачьей души.

В **Заключении** делаются выводы, подводятся основные итоги исследования, формулируются его дальнейшие перспективы. Мотивная структура лирики Н.Н. Туроверова представляет целостную, взаимосвязанную художественную систему, акцентированную развитием и эволюцией творческой индивидуальности писателя. Мотивы лирики поэта-казака определяются функционированием различных инвариантов/вариантов через интертекстуальный контекст с произведениями русских классиков, писателей первой волны зарубежья, казачьих поэтов.

### **ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:**

#### ***Статьи в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:***

1. Иванов, К.Г. Мотив разбойничьей Руси в лирике Н.Н. Туроверова // Вестник Брянского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 197-204 (0,75 п.л.).
2. Иванов, К.Г. Мотив казачьего быта в творчестве Н. Туроверова // Вестник Брянского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 242-248 (0,7 п.л.).
3. Иванов, К.Г. Любовные мотивы лирики Н. Туроверова // Вестник Брянского государственного университета. – 2015. – № 1. – С. 213-216 (0,5 п.л.).
4. Иванов, К.Г. Именование лирического героя в поэзии Н. Туроверова // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. – 2024. – Вып. 3. – С. 74-82 (0,8 п.л.)
5. Иванов, К.Г. Казачьи мифы в творчестве Н. Туроверова // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2025. – № 1 (106). – С. 118-122. (0,6 п.л.).

#### ***Научные статьи, опубликованные в иных изданиях:***

6. Иванов, К.Г. Мотив казачьей вольницы в лирике Н.Н. Туроверова. Статья первая //

- Казарла. – 2013. – № 6. – С. 25-27 (0,3 у.п.л.)
7. Иванов, К.Г. Мотив казачьей вольницы в лирике Н.Н. Тuroверова. Статья вторая // Казарла. – 2013. – № 7. – С. 50-53 (0,3 у.п.л.).
  8. Иванов, К.Г. Мотив "имперского войска Донского" в лирике Н.Н. Тuroверова // Образовательная система в рамках процесса совершенствования современного научного знания. Сборник научных трудов. – Казань: ООО "СитИвент", 2019. – С. 15-20 (0,4 у.п.л.).
  9. Иванов, К.Г. Христианские мотивы в творчестве Н.Н. Тuroверова // Актуальные проблемы современной гуманитарной науки. Материалы VI Международной научно-практической конференции. – Брянск: Брянский государственный университет им. ак. И.Г. Петровского, 2019. – С. 7-13 (0,5 у.п.л.).
  10. Иванов, К.Г. "Четыре Дона" как основа историософского мотива лирики Н.Н. Тuroверова // Научный форум: филология, искусствоведение и культурология. сборник статей по материалам XXVII международной научно-практической конференции. – М.: Общ-во с ограниченной ответственностью "Международный центр науки и образования". – Т. 6 (27). – 2019. – С. 32-35 (0,3 у.п.л.).
  11. Иванов, К.Г. Мотив братоубийственной войны в лирике Н.Н. Тuroверова // Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды и научные исследования. Сборник статей по материалам XXVI международной научно-практической конференции "Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды и научные исследования". – М.: "Интернаука". – № 8(24). – 2019. – С. 37-41(0,35 у.п.л.).
  12. Иванов, К.Г. Образ казачьего генерала Я.П. Бакланова – духовного лидера этапа "второго Дона" в творчестве Н. Тuroверова // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы IX Международной научной конференции. – Донецк, 2024. – С. 221-224 (0,3 у.п.л.).
  13. Иванов, К.Г. Казачья лексика идиостида Н. Тuroверова // Русский язык: история и современность. Материалы Национальной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Е.П. Гарбузовой. – Брянск, 2024. – С. 66-75 (0,8 у.п.л.).
  14. Иванов, К.Г. «В мире новом друг друга они не узнали»: лермонтовская реминисценция в казачьем контексте // Третьи Расторгуевские чтения: Материалы Международной научно-практической конференции (г. Брянск, Брянская область, 11 апреля 2025 г.). Часть I. – Брянск: РИСО БГУ, ИП Худовец Р.Г., 2025. – С. 153-161 (0,75 у.п.л.).
  15. Иванов К. Г. Анималистический образ (конь) в лирике Н. Н. Тuroверова // Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы X Международной научной конференции. – Донецк: ДонГУ. – Т. 4: Филологические науки. Часть 1. – 2025. – С. 213-216 (0,3 у.п.л.).
  16. Иванов К. Г. Восприятие и оценка творчества Н. Тuroверова в литературной критике и литературоведении // Актуальные проблемы современной гуманитарной науки. Материалы XIV Национальной научно-практической конференции. – Брянск: Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, 2025. – С. 24-46 (1 у.п.л.).
  17. Иванов К. Г. Мотив дубового листка, оторвавшегося от родной ветки, в лирике казачьих поэтов (Н. Тuroверов, М. Волкова, П. Поляков, А. Присманова, Н. Келин, В. Смоленский) // Актуальные проблемы современной гуманитарной науки. Материалы

XIV Национальной научно-практической конференции. – Брянск: Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, 2025. – С. 15-23 (0,75у. п.л.).